

УДК 81:119
DOI 10.17223/18137083/54/31

Л. К. Жаналина

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая
Алматы*

Лингвоперсонология: новый облик лингвистики

Рецензия на коллективную монографию:

Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / Под ред. Н. Д. Голева, Н. Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. 640 с.

В рецензии отмечается, что первая часть коллективной монографии «Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология» представляет собой новый этап в развитии теории языковой личности и антропоцентрического языкознания в целом. Монография знакомит с результатами исследования сибирских лингвоперсоологов в области моделирования языковой личности и ее языкового портретирования, осуществляемого на основе различных параметров: уровневых, лингвокогнитивных, жанровых и социально-речевых. Монографическое исследование расширяет и углубляет представления о феномене языковой личности, который изучается в ментально-психологическом аспекте. В работе осуществляется синтез теоретического и прикладного аспектов моделирования и портретирования языковой личности. Прикладные аспекты типологии языковых личностей имеют выходы в лингводидактику с ее ориентацией на личностно-ориентированное обучение и юрислингвистическую экспертизу.

Ключевые слова: сибирская лингвоперсонология, языковая личность, тип языковой личности, языковое портретирование.

Одной из главных движущих сил развития современной лингвистики является ее сближение с другими науками, что делает лингвистическое знание междисциплинарным.

Жаналина Лаззат Кабылдашевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии Казахского национального педагогического университета им. Абая (пр. Достык, 13, Алматы, 050100, Республика Казахстан; zhanalina@gmail.com)

Сибирский филологический журнал. 2016. № 1
© Л. К. Жаналина, 2016

лиарным, а его объект – полиаспектным. Движение к полиаспектности, приближающей к языку в его целостности, обусловило нарастающий интерес к человеку, который открывает в «человеченном» языке все новые горизонты и способствует пролиферации новых научных концепций. В порождаемой реализацией научного принципа антропоцентризма лингвистической парадигме наблюдается, с одной стороны, усиление позиций теории языковой личности, а с другой – потребность в сохранении «суверенитета» новой лингвистикой, вобравшей в себя в сложную многоликость языка. Жизненно важно для науки о языке совмещение этих двух противоположных тенденций обеспечивает успехи Сибирского центра изучения языковой личности.

Монография «Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология» представляет впечатляющие достижения сибирской лингвоперсонологии, главным образом, Барнаульско-Кемеровского научного центра, возглавляемого доктором филологических наук, профессором Н. Д. Голевым.

Исследование демонстрирует, что сибирская лингвоперсонология, несмотря на молодость, уверенно вошла в научное пространство, заявив о себе как о значительном и значимом явлении. Она объединила вокруг носителя языка самые разные отрасли теоретической и прикладной лингвистики, психологии, психолингвистики, соционики и др., и таким образом вывела его изучение на новый уровень, в котором он разрабатывается в разных интегративных моделях.

Синтез теории языковой личности с теорией речевой деятельности, стилистикой, диалектологией, словообразованием, грамматикой, орфографией, лингводидактикой, юрлингвистикой и др. науками в разделах монографии осуществлен гармонично и с позиций логики изящно, благодаря «идейной» и терминологической однородности и приверженности общим базовым установкам, основным положениям, в которых раскрывается характеризующееся интегративностью новое видение языковой личности, выступающей «как связующее звено между индивидуальной и национальной языковой личностью». Оно расширяет и углубляет понимание ментально-психологического аспекта языка, формируемого изоморфизмом персонного и языкового пространства и выявляемого посредством разработки адекватных методов и методик лингвоперсонологического анализа.

Продолжая серию лингвоперсонологических исследований сибирской научной школы, данная монография продвигает их, существенно приближая представленные достижения к языковой реальности на основе последовательного отграничения описания знаний о языке от описания самого языка в связи с его носителем.

Большим вкладом в науку являются сделанные в первой главе «Лингвотеоретические основания типологии языковой личности» теоретические выкладки в духе философской антропологии М. Шелера, утверждающей невозможность рассматривать, оценивать, описывать бытие как бы снаружи. Они характеризуются силой, столь необходимой для современной лингвистики, проходящей испытание инфляцией, создаваемой размыванием ее границ. Авторам удается наметить новые границы лингвистики, расширившей своей объект. Этому способствует четкость позиций авторов, которая проявляется в уточнении понятия языковой личности (ЯЛ) как объекта языкознания, его дисциплины – лингвоперсонологии, в разработке классификации ЯЛ, осуществляемой в трех направлениях.

Первое направление – гл. 1, ч. 1 «Ментально-психологические аспекты типологии языковой личности (к проблеме взаимоотношения языкового и персонного пространства)» (Н. Д. Голев) – определяет разветвленную полиаспектность языковой личности с ведущей ментально-психологической стороной посредством метода построения иерархических оппозиций, систематизируемых основной инвариантной оппозицией правополушарности и левополушарности.

Одобрив предложенную К. Ф. Седовым новую науку – психолингвоперсонологию и анализируя его лингво-психологическую типологию ЯЛ и лингво-психологическое портретирование ЯЛ, Н. Д. Голев уточняет основания трактовки ЯЛ в лингвоперсонологии. По его мнению, оппозиция социолингвистического и психолингвистического аспектов моделирования ЯЛ – существенный критерий ее классификации. Данная оппозиция релевантна для структуры ЯЛ, в которой выделены два компонента: языковая способность (врожденный ментально-психологический компонент) и языковой опыт (приобретенный в ходе социальной коммуникации компонент) (с. 10). Несомненной теоретической и практической значимостью обладает предложенная Н. Д. Голевым характеристика ядра ментально-психологического компонента как основания для классификации соответствующих типов ЯЛ: «Ядро, на наш взгляд, формируют такие базовые признаки, как, например, тип речевой активности, склонность к определенному типу речевых интенций, способу выделения тем и актуальности рематического содержания, характер членения темы на составляющие, принципы построения высказывания и более сложных речевых произведений» (Там же). Убедительными и удачными являются оценка выделенных признаков в качестве критериальных и разграничение на их основе вариантов языковой способности, ментально-психологических типов ЯЛ, или лингвоперсоном. Избранный подход весьма примечателен и тем, что он выводит на естественную лингвистику, «типы, выделенные в народной картине языкового мира», следовательно, на языковую реальность в том виде, как она сложилась, а не на научную абстракцию. Поэтому столь убедительна классификация как ментально-психологических (*балагур, демагог, пустобрех, молчун, зануда, словоблуд, таратор, любитель подробностей* и др.), так и социальных (*судья, учитель, школьник, сельский житель* и др.) типов ЯЛ.

Рассматриваемая часть монографии содержит еще одно достижение лингвоперсонологии. Оно представляет трудно постигаемое лингвистикой взаимодействие индивидуального и социального в языке, которые по-разному сосуществуют в разных типах ЯЛ: «Инвариантом для всех них [ментально-языковых характеристик ЯЛ] выступает национальная языковая личность, а «типерианвариантом» – человек вообще как носитель «общезыковой» способности. <...> Социальные типы ЯЛ... представляют собой некую усредненную единицу – коллективную языковую личность» (с. 10–11).

Иерархическая типология ЯЛ способствует утверждению статуса языкознания как теории, которая выступает в исходном синкретическом варианте наивной лингвистики, и как методологии, адекватность которой обеспечивается ее двоякой направленностью от типологии личности к языковым явлениям, ее воплощающим, и «от языковых явлений к типологии языковой личности и ее портретированию», или «от текста к личности» (с. 13, 15).

Второе направление – гл. 1, ч. 2 «Текстовое моделирование языковой личности» (Н. В. Мельник) – развивает идею Н. Д. Голева об экстралингвистических (психологических) параметрах языковой личности, диктующих ее лингвистическую типологию на основе текстоцентрических критериев и лингвоперсонологических различий. Автор раздела вносит свой вклад в лингвоперсонологию. «Персонологию в лингвистическом измерении», которая исследует ЯЛ и ее аспекты, она дополняет «лингвистикой в персонологическом измерении», которая рассматривает персонотекст как лингвоперсонологическую категорию. Язык в качестве персонотекста становится основанием для выделения в лингвоперсонологии новой дисциплины – лингвоперсонологии текста. Она представляет собой стройную теорию со своей системой терминов, понятиями, отражающими типологию типов личности как типов текста и представляющими динамику их формирования, движимую противоположными тенденциями персонализации и деперсонализации.

Последовательное развитие текстоцентрической платформы способствует утверждению концепции Н. В. Мельник, в которой разработана оригинальная классификация типов ЯЛ как вторичных текстов, построенная на системе оппозиций, продолжающих оппозиции Н. Д. Голева и их распределенность по направленности. К оппозициям, демонстрирующим текстоцентрические критерии лингвоперсонологических различий, отнесены оппозиции: копиальный – креативный, содержательный – формальный, механический – осмысленный, внутритекстовый – затекстовый, субъективный – объективный. Персоноцентрические критерии лингвоперсонологических различий представляют оппозиции: рационально-логический – интуитивный (художественный), «окультуренный» – природный, профессиональный – наивный.

Особого внимания заслуживает *третье направление*, объединяющее изучение языковой личности с исследованием обыденного метаязыкового сознания, – гл. 1, ч. 3 «Лингвоперсонология и обыденное метаязыковое сознание (варианты и инварианты интерпретирующей языковой личности рядового носителя русского языка)» (Н. Д. Голев, Л. Г. Ким). Данный раздел связан с предыдущим текстоцентрическим подходом, который нацелен на новые аспекты ЯЛ и разработан на основе утверждения взаимодействующего характера оппозиции язык – языковое мышление. Языковое мышление представлено как русское языковое сознание, которое рассматривается в нескольких планах: русское обыденное языковое сознание, русское обыденное метаязыковое сознание и, наконец, русское лингвистическое сознание. Интерес к данному разделу повышает разграничение типов русской языковой личности в разновидностях языкового сознания, ее моделирование в сфере лингвистического сознания в виде алгоритмов интерпретации – элементарной и холистической. Примечательна типология ЯЛ, углубляющая понимание не только ЯЛ, но и языкового сознания: «Доминантные свойства языка, проявляющиеся на разных участках его организации и функционирования, коррелятивны доминантным типам языковой личности в сфере языкового, метаязыкового и лингвистического мышления, проявляющиеся на шкале “чувственно-интуитивное – рационально-логическое”, “целостное – дробно-аналитическое”, “авторитарное – узуальное” и сложным образом взаимодействующие, тяготея при этом к первому из названных полюсов» (с. 85).

Эволюцию лингвистической мысли демонстрирует характеристика уровней языковой личности, данная в гл. 2 «Уровневые параметры типологии языковой личности» (Е. Н. Татаринцева, С. В. Оленев, Ю. С. Паули, Д. В. Кузнецов). Она раскрывает достижение кемеровской научной лингвоперсонологической школы в виде неканонической объективистской теории орфографии – теории орфографической языковой личности, которая содержит весьма развернутую классификацию лингвоперсонем, типы которых разграничиваются на основе целого комплекса критериев. На основе экспериментов выделены следующие типы орфографических языковых личностей: сильный и слабый морфемоориентированные; нормативно- и разно-акцентированные; устойчиво-акцентированный и устойчиво-неакцентированный. Данная классификация, осложненная разграничением индивидуальных и коллективных портретов, а также учитывающая особенности словообразовательных и грамматических фокусов языковой личности, имеет большую практическую ценность и при применении открывает новые возможности для масштабного развития языка и языковых личностей.

Гл. 3 «Лингвокогнитивные и жанровые параметры типологии языковой личности» (Н. Н. Шпильная, А. В. Замилова, О. А. Носкова, Н. Б. Лебедева, Е. А. Корюкина) содержит результаты разработки лингвоперсонологических типов организации речи (речевого мышления), обусловленных типовым качеством ЯКМ носителя языка, а также лингвосоционическую, жанровую и социально-речевую характеристики языковой личности. Она обогащает лингвоперсонологию иерар-

хической классификацией языковой картины мира, дифференцирующей типы языковой личности.

Рассуждения о когнитивной стороне ЯЛ, введение понятия лингвосоционической личности и взгляд на ЯЛ через «жанровое окно» отличают теоретическая сила оригинальности, поддерживаемой неопровержимой доказательностью. Они очерчивают содержание и границы лингвоперсонологии как лингвистической науки.

В гл. 4 «Социально-речевые параметры типологии языковой личности» (Е. В. Иванцова, О. П. Сологуб, Т. В. Чернышова, М. Г. Чабаненко) описываются социально-речевые аспекты языковой личности, проявляющиеся в диалектной языковой личности; в текстовой компетенции, в частности в СМИ; в участнике официально-деловой коммуникации; в молодежном дискурсе. Она расширяет диапазон приближения к реальному языку в его функционировании и в разных сферах использования.

Гл. 5 «Прикладные аспекты лингвоперсонологии» (С. А. Максимова, И. С. Прокудина, Т. И. Киркинская, Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова, Л. А. Араева, М. А. Осадчий, Г. В. Непреенко, Я. А. Дударева) раскрывает практическую значимость лингвоперсонологии и знакомит с методиками лингвоперсонологического анализа, нацеленными на решение прикладных целей. Часть этой главы «Лингвокогнитивные стили репродуцирования текста (на материале студенческих рефератов)» (И. С. Прокудина) дополняет классификации языковой личности говорящего классификациями языковой личности адресата на основе типологии лингвокогнитивных стилей репродуцирования вторичных текстов. Важность понятия репродуцирования для понимания языковой личности требует уточнения механизмов воспроизводства, которые автор квалифицирует как свертывание и развертывание *текста*. На самом деле скорее свертывается и развертывается не сам текст, а смысл, в связи с чем возникает необходимость разграничения в типах лингвокогнитивных стилей репродуцирования внутренней и внешней сторон.

Логическим завершением монографии служит последний раздел «Лингвоперсонологические школы Сибири» (И. В. Башкова), данный под заголовком «Вместо заключения». Автор рассматривает общность и различия в лингвоперсонологических школах Томска и Барнаула – Кемерово.

Несомненные достоинства работы и ее вклад в лингвистику и в смежные науки являются свидетельством того, что сибирская лингвоперсонология заняла достойное место в современной лингвистике и заслуживает пристального внимания благодаря органическому сочетанию теоретического и прикладного компонентов, которое достигается разработкой и адекватных методов исследования и тщательным их использованием для изучения, систематизации и описания обширного и разнообразного фактического материала.

Монография знакомит с научным направлением, представляющим новый этап в развитии теории языковой личности и шире – антропоцентрического языкознания. Книга имеет большую теоретическую и практическую ценность, и ее авторский коллектив заслуживает признания и благодарности за колоссальную и плодотворную работу, которая, как свидетельствует монография, набрала высокие темпы и обладает важным свойством заразительности, порождая потребность в последующих встречах с сибирской школой лингвоперсонологии.

L. K. Zhanalina

Lingvopersonologia: a new aspect of linguistics

Review of the collective monograph:

**Language personality: modelling, typology, portraying (Siberian linguo-personology). P. 1 /
Ed. by N. D. Golev, N. N. Shpilnaya. M.: Lenand, 2014. 640 p.**

This review states that the collective monograph «Language personality: modelling, typology, portraying (Siberian linguo-personology). P. 1» represents a new stage in the development of the theory of language personality and anthropocentric linguistics as a whole. The monograph presents the results of the investigation of Siberian lingvo-personologists in the field of modelling the language personality and its language portraiture, carried out on the basis of different parameters: level, cognitive, genre and socio-vocal. A monographic investigation expands and deepens the ideas about the phenomenon of linguistic personality, which is studied in the mental and psychological aspect. The monograph realizes the synthesis of the theoretical and applied aspects of modelling and portraying the language personality. The applied aspects of the typology of language personalities have outlets in the didactics with its focus on learner-centered education and unilingualism examination.

Keywords: Siberian lingvopersonology, language personality, type of language personality, language portraying.

DOI 10.17223/18137083/54/31